

Датская сказка " Санный поезд "

Жил-был в старину один датский король. А как звали короля – никто теперь уже и не помнит. Сказывают только – была у того короля одна-единственная дочка. Всем взяла молодая принцесса – и умом, и красотой, и добрым нравом. Только вот беда: печальной ее на всем свете не было. Не засмеется, бывало, принцесса, не улыбнется даже – что хочешь делай! День-деньской плачет да горюет, хмурится да кукутся. Так и прозвали ее – принцесса Кукса.

Сам-то король был человек веселый. Однако, глядя на дочь, и он сам не свой стал: брюзжит, ворчит, все-то не по нем. И то сказать: детей у него – одна дочка. Значит, ей и королевой после него быть. А как ей государство доверить, когда она только и умеет, что плакать да вздыхать. Не ровен час – и вовсе от печали умрет!

Испугался король и объявил: "Всякий, кто рассмешит принцессу, получит ее в жены и полкоролевства в придачу".

Отыскалось тут немало охотников счастья попытать. Как только не потешали они королевскую дочь, как не веселили И притчи сказывали, и загадки загадывали, и пели, и плясали. А все зря! Принцесса и не улыбнется. Так и отъезжали все женихи со двора не солоно хлебавши.

До того нагляделся король на эти потехи, до того наслушался разных шуток-прибауток, что ни видеть, ни слышать их больше не мог. А пуще всего надоела ему родная дочка. Как ни веселили ее, как ни потешали, она все плакала да кукусилась.

И вот, чтоб поменьше докучали ему бесталанные женихи, издал король новый указ: "Всякий, кто рассмешит принцессу, получит ее в жены и полкоролевства в придачу. А не рассмешит – горе ему! Окунут его в смолу, вываляют в перьях и прогонят с позором со двора".

Женихов сразу поубавилось. А принцесса как была, так и осталась Кукса.

Жил в той самой стране один человек, и было у него три сына: Педер, Палле и Еспер, по прозвищу Настырный.

Жили они в глуши, так что немалый срок прошел, покуда они про королевский указ прослышали.

Смекнули тут братья разом: "Счастье само нам в руки идет. Всего-то и дела – принцессу рассмешить!"

"Уж я-то в забавах толк знаю!,- подумал Педер и тут же собрался счастья попытать. Дала ему мать на дорогу котомку со всякой снедью, а отец – кошелек с далерами.

Идет Педер путем-дорогою, а как дошел до курганов Ос, что меж Северным морем и Лимфтордом, глядь – идет навстречу ему старушка, бедная, в лохмотьях, саночки за собой волочит.

– Здравствуй, добрый человек! – говорит старушка.–Не подашь ли хлеба да скиллинг на бедность?

– Ишь чего захотела старая карга! – обозлился Педер.– Хлеба и денег у меня самого в обрез, а путь еще неблизкий!

– Не будет тебе пути! – молвила старушка.

Махнул Педер рукой на старушкины речи.

"Пусть ее, старая ведьма, болтает!" – подумал он

Шел Педер, шел, близко ли, далеко ли, пришел наконец на королевский двор и говорит:

– Зовут меня – Педер, и хочу я принцессу рассмешить.

Ввели его в королевские покои, стал он королю и ее дочке свое искусство показывать. А умел Педер самые пив тешные на свете песни петь. Крепко он на них надеялся, кие гда в замок шел. Пел он теперь эти песни, пел одну за друку гой. А толку – ни на грош! Хоть бы улынулась принцесса. Окунули тут Педера в смолу, вывалили в перьях и прогнааив с позором с королевского двора.

Добрую четверть постного масла извела мать, покуда смолу с Педера смыла.

"Педеру не повезло, авось Палле счастье улыбнется" – решили старики.

Собрали они Палле в дорогу. Дала ему мать котомку со снедью, а отец – кошелек с далерами. Отправился и он в путь-дорогу, и ему у курганов старушка с саночками повстречалась.

– Здравствуй, добрый человек! – говорит старушка.

Не подашь ли хлеба да скиллинг на бедность?

Но и Палле отговорился и ничего ей не дал.

– Не будет тебе пути! – молвила старушка.

Махнул рукой на старушкины речи Палле.

"Пусть ее, старая ведьма, болтает" – подумал он.

Шел Палле, шел, близко ли, далеко ли, пришел наконец на королевский двор и говорит:

– Зовут меня Палле, и хочу я принцессу рассмешить

Ввели его в королевские покои, стал он королю и ее дочке свое искусство показывать. А умел Палле самые гам тешные небылицы плести. Плетет он, бывало, свои небылям цы, плетет, все кругом, со смеху помирают. Вот и теперь, кия стал он сказывать, сам хохочет, король хохочет, а принцессе только от скуки позевывает.

Отпотчевали тут Палле так же, как и Педера: окунули в смолу, вывалили в перьях, и вернулся он домой – глядеть жалко.

А Есперу хоть бы что! Не боится он, что и его участь постигнет. Заладил одно:

– Пойду на королевский двор принцессу смешить!

– Эх, дурень ты горемычный! – сказали отец с матерью. – Неужто, по-твоему, ты удачливее братьев? Куда тебе до них! И песни они поют, и небылицы плетут. А с тобой – один грех! Ничего-то ты не умеешь, только на потеху себя выставишь!

– Этого-то мне и надо! – обрадовался Еспер.

Отговаривали его старики по-всякому, только Еспер знай свое твердит:

– Пойду на королевский двор принцессу смешить!

Махнул рукой на старушкины речи Палле.

"Пусть ее, старая ведьма, болтает, – подумал он.

Шел Палле, шел, близко ли, далеко ли, пришел наконец на королевский двор и говорит:

– Зовут меня Палле, и хочу я принцессу рассмешить.

Ввели его в королевские покои, стал он королю и ее дочке свое искусство показывать. А умел Палле самые гам тешные небылицы плести. Плетет он, бывало, свои небылям цы, плетет, все кругом, со смеху помирают. Вот и теперь, кия стал он сказывать, сам хохочет, король хохочет, а принцессе* только от скуки позевывает.

Отпотчевали тут Палле так же, как и Педера: окунули* в смолу, вывалили в перьях, и вернулся –он домой – глядесГЦ жалко.

А Есперу хоть бы что! Не боится он, что и его участь постигнет. Заладил одно:

– Пойду на королевский двор принцессу смешить!

– Эх, дурень ты горемычный! – сказали отец с матерью.– Неужто, по-твоему, ты удачливее братьев? Куда тебе до них! И песни они поют, и небылицы плетут. А с тобой – один грех! Ничего-то ты не умеешь, только на потеху себя выставишь!

– Этого-то мне и надо! – обрадовался Еспер.

Отговаривали его старики по-всякому, только Еспер знай свое твердит:

– Пойду на королевский двор принцессу смешить!

Скажешь: "Тпр-ру!" – они и станут. А тронет кто санки, птичка встрепенется и закричит: "Чик-чирик! Чик-чирик!" Прикажешь: "Держи крепче!" – и кто бы ни был в санках – не оторваться ему от них, покуда не скажешь: "Отпусти!" Приглядывай хорошенько за санками, чтоб их никто у тебя не украл. Уж с ними-то наверняка ждет тебя удача!

– Спасибо, бабушка, за подарекюб-поблагодарил Еспер старушку, уселся в санки – и крикнул: – Чик-чиришь, пташка!

Понеслись тут санки-самоходы по проселочной дороге словно мчала их пара лихих коней. Глядят люди вслед, ди_ вятся – не надивятся. А Есперу будто и дела нет, будто и не привыкать ему так ездить.

Мчатся санки по проселочной дороге, не останавливает их Еспер. Лишь поздно вечером повернул он на постоялый двор – ночевать. Санки взял с собой в горницу, привязал их крепко-накрепко к постели. Санки-то резвые да скорые, того и гляди, сбегут!

Люди на постоялом дворе видели, как лихо подкатил Еспер к воротам, и долго удивлялись такому чуду. Но пуще всех разобрало любопытство трех служанок.

Очень уж хотелось им самоходные санки разглядеть. И вот ночью, только Еспер заснул, встает одна из служанок и тихонько в горницу пробирается. Подкралась она к санкам, нащупала их, и тут:

– Чик-чирик! Чик-чирик! – встрепенулась и закричала птичка. Вмиг проснулся Еспер и приказывает:

– Держи крепче!

И вот уже служанке от санок не оторваться. Стоит, с места двинуться не может. А Еспер перевернулся на бок и опять заснул.

Немного погода прокралась в горницу другая служанка и то лее – хватъ санки!

– Чик-чирик! Чик-чирик! – крикнула птичка. Проснулся Еспер и приказывает:

– Держи крепче!

И вот уже вторая служанка с места двинуться не может. А Еспер перевернулся на бок и^ снова заснул.

Служанки на постоялом дворе были одна другой любопытней. Под конец и третья служанка не выдержала, прокралась в горницу и тоже – хватъ санки.

– Чик-чирик! Чик-чирик! – крикнула птичка. Проснулся Еспер и приказывает:

– Держи крепче!

Стоят все три служанки, с места двинуться не могут.

Спозаранку, покуда на постоялом дворе еще не проснулись, выволоч Еспер санки на дорогу. И пришлось служанкам, хочешь не хочешь, следом тащиться, а они в одних ночных рубахах!

– Чик-чирик, птичка!

И покатили санки по проселочной дороге, а горемычные служанки бегут что есть духу следом. Щеки у них от стыда пылают, слезы градом катятся в одних рубахах при всем честном народе предстали.

Ехал Еспер, ехал, попадаетеся ему по дороге церковь. А пастор с пономарем как раз идут туда службу отправлять.

Увидели они чудной поезд, крестятся!

Эй вы, бесстыжие! Бегаете за парнем, да еще в одних рубахах!–крикнул пастор служанкам.

Схватил он за руку ту, что позади всех бежала, и тянет ее прочь.

Но не тут-то было!

– Чик-чирик! Чик-чирик! – крикнула птичка.

– Держи крепче! – приказал Еспер.

И уж не разжать пастору руки. Пришлось ему следом за служанками бежать.

– Господи, помилуй нас! Ваше преподобие! – заорал пономарь. – Куда вы? Да и не пристало в ваши лета да привашем-то сανε за молодыми служанками гоняться!

Подбегает пономарь к санкам и хватается за пасторскую ризу.

– Чик-чирик! Чик-чирик! – крикнула птичка.

– Держи крепче! – приказал Еспер.

Пришлось и пономарю вместе со всеми по дороге бежать.

Подъехали санки к кузнице. Кузнец только-только лошадь подковал и в правой руке еще кузнечные клещи держит, а в левой у него – пучок сена, которым он лошадь подкармливал.

Мчатся мимо санки, полощется по ветру пола Пономаревой рясы. А кузнец был малый веселый. Как увидел самоходный поезд, захохотал во всю глотку и цап клещами пономаря за полу.

– Чик-чирик! Чик-чирик! – крикнула птичка.

– Держи крепче! – приказал Еспер.

Пришлось и кузнецу бегом за пономарем пуститься, а пучок сена за ним следом волочится.

Летят санки по дороге, навстречу им – гусиное стадо. Увидали гуси сено, крылья распустили, бегут к санкам, с ноги на ногу переваливаются, и ну сено щипать.

– Чик-чирик! Чик-чирик! – крикнула птичка.

Пришлось и гусям от других не отставать; сколько ни шипели, сколько ни гоготали – толку мало. Бегут следом, с ноги на ногу переваливаются.

Долго ли, коротко ли ехали, а подъехал санный поездк королевскому двору. Завернул туда Еспер со всей своей свитой.

Трижды объехал потешный поезд вокруг замка. Что тут было! Шум на всю округу!

Служанки в одних рубахах голоса что есть мочи; пастор в полном облачении молится и стонет; пономарь не своим голосом воет и ревет; кузнец хохочет и чертыхается; гуси гогочут и шипят.

На шум сбегалась вся челядь из замка, пришлось и королю с принцессой выйти поглядеть на Еспера со свитой. Ну и хохотал король, даже икать стал. А как взглянул на дочку – глазам не верит, хохочет принцесса Кукса, да так, что слезы у нее по щекам градом катятся.

– Тпр-ру! – приказал Еспер, и санки-самоходы стали.

– Отпусти! – снова приказал Еспер Настырный.

Пустились тут бежать без оглядки гуси и кузнец, пономарь и пастор, а под конец – все три служанки.

Взбежал Еспер к принцессе на крыльцо и говорит:

– Ага, рассмешил я тебя! Теперь ты моя!

Вот так и взял себе в жены Еспер, по прозвищу Настырный, принцессу Куксу да еще полкоролевства в придачу получил. А после смерти старого короля досталось ему и все королевство.